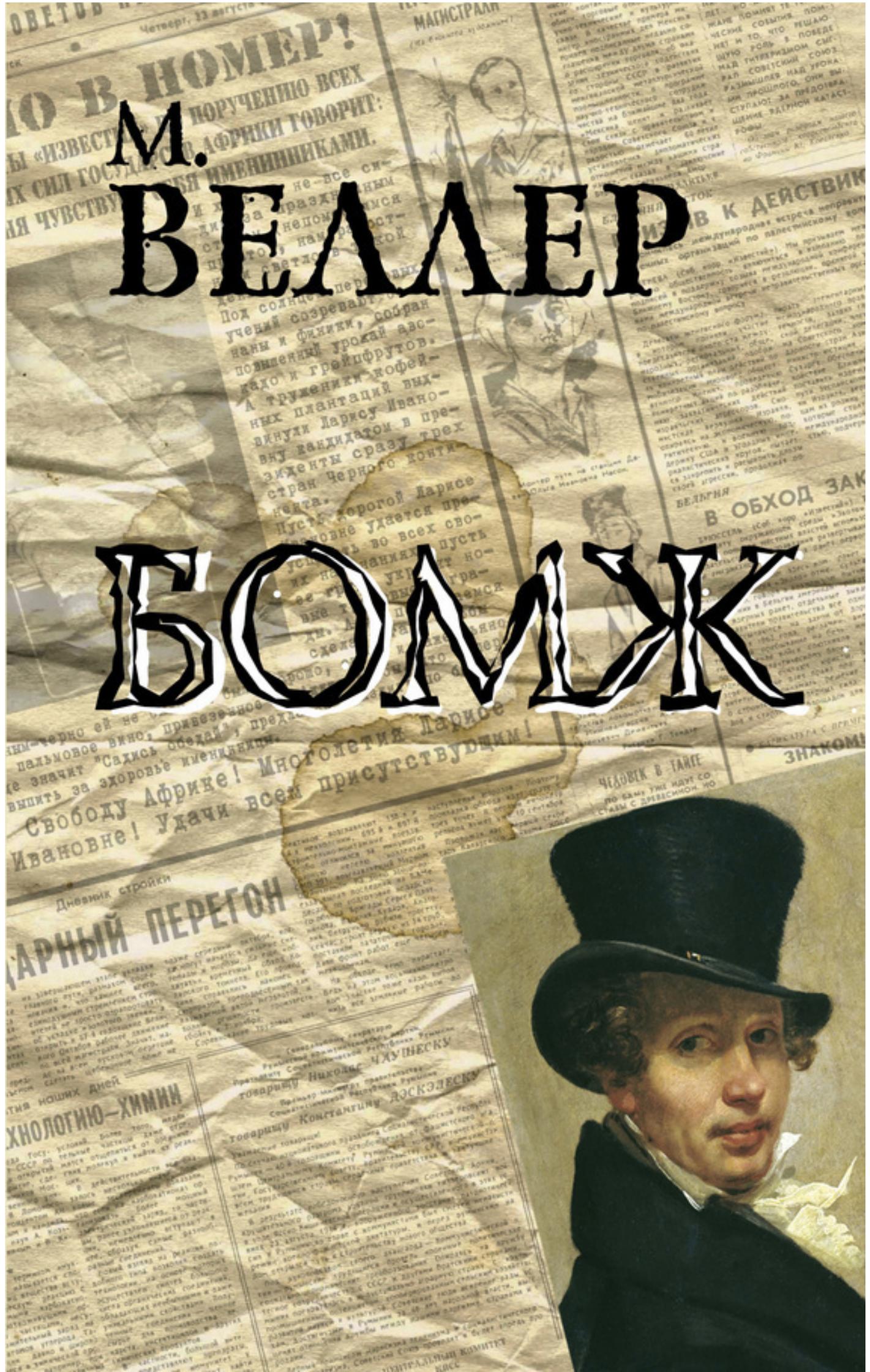

М. ВЕЛЛЕР

БОМЖ

О ВЕЩАХ ПОПРУЧЕНИЮ ВСЕХ
АФРИКИ ГОВОРИТ:
ИМЕННИКАМИ.

Под солнцем зреет
учений созревают
наны и финики, собран
повилены тропай аэс-
кадо и грейпфрутов.
А труженник кофей-
ных плантаций вых-
днуди Ларису Ивано-
вну кандидатом в пре-
зиденты сразу трех
стран Черного конти-
нента.

Пусть дорогой Ларисе
Ивановне удается пре-
дседать во всех сво-
их назначениях пусть
ее труды украсят но-
вые страницы истории
страны.

Свободу Африке! Многолетие Ларисе
Ивановне! Удачи всем присутствующим!

Дневник стройки
МАРНЫЙ ПЕРЕГОН

ХИМИЮ-ХИМИИ

МАЙСТРАМ
БЛАЖЕННЫМ К ДЕЙСТВИЮ

БЕЛГИЯ
В ОБХОД ЗАК

ЧЕЛОВЕК В ТАНКЕ
ПО БАЗЫ УЖЕ ИДУТ СО
СТАВ С ДРЕВЕСИНОЙ. НО

товарищу Николаю ЧМУШЕСКУ
товарищу Константину АЗСКОЗЕСКУ

Михаил Веллер

Бомж

«Издательство АСТ»

2015

Веллер М. И.

Бомж / М. И. Веллер — «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-089441-3

Сборник модернистских рассказов Михаила Веллера «Хочу быть дворником», отвергнутых всеми редакциями, выходил в Советском Союзе пять лет и произвел сенсацию. Автор был принят в Союз писателей СССР по рекомендации Бориса Стругацкого и Булата Окуджавы. В совершенно иных жанрах созданы стократно переизданные бестселлеры «Легенды Невского проспекта» и «Приключения майора Звягина». Теория энергоэволюционизма, впервые изложенная в трактате Веллера «Все о жизни», отмечена медалью Всемирного философского форума в Афинах. Новый роман Веллера написан в русле главной гуманистической традиции русской классики: жажда справедливости «униженных и оскорбленных».

ISBN 978-5-17-089441-3

© Веллер М. И., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пробуждение	6
Подъем	7
Бурение огненной воды	8
Закрома родины	9
Бартер	10
Жизнь прекрасна	11
Прогулка	12
Белинский	14
Отцы и дети	16
Цветы жизни	18
Голубой звездолет	20
Я в замке король	21
Хочу понять	24
Пророк	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Веллер

Бомж

© М. Веллер, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Пробуждение

Меня тошнит. Это первое ощущение, которым дает знать о себе жизнь после тягостного распада сна. Я не люблю просыпаться. Нет ничего более мерзкого и безнадежного, чем вывалиться из уютного небытия в очередной день. В теплой темноте забвения начинают вспыхивать звезды и превращаются в гнойные проколы: кольнуло в печени; занули справа ребра; змеистая резь в желудке; наждак во рту; очередной дневной круг бессрочной каторги.

От всего кругом меня тошнит. Даже с закрытыми глазами. Это не та тошнота, которая мучительно выворачивает наизнанку, извергается вон и сменяется очищенным облегчением. Это оцепенелая ледяная тоска, пронизывающая весь организм как отравы, парализующая желаний: вместо крови густая жидкость, вместо нервов сгнившие клетки, тоска проступает сквозь кожу холодным потом, и так настигает тебя первая кара дня: ты проснулся. Здравствуй, жизнь, здравствуй, лютый зверь, здравствуй, палач неуязвимый. С добрым утром, суки, вы еще не сдохли?

Теперь надо поправить здоровье. Несчастливая черта русского характера: выжрать все, что есть, ничего не оставив на опохмел. И никаких уроков из собственного горького опыта; это наша национальная черта, она сказывается во всем, но мучительное утро есть родоначало всех наших бед. Дожить до заката. В поте членов твоих, в позоре лица твоего. О, если бы я был немец! У меня всегда бы оставалось на утро сто грамм, или фунфырик, или хоть полфлакошки цветочного или лосьона; да что я говорю – у немца оставался бы баллон пива и полпачки сигарет.

Мы ненавидим кавказцев из бессильной зависти. Будь я азербайджанец, или грузин, или лучше всего армянин, они самые древние и культурные – как счастлив был бы я по утрам! Хаш! Я ел бы горячий, жирный, острый, с чесноком и травами хаш! И несколько рюмок холодной чистой водки!.. Да, эти люди умеют жить, и есть чему у них учиться. Если утром съесть хаш и выпить двести грамм – горы можно свернуть, жизнь в радость, ты уверен в себе, ты всему хозяин!

Я знаю, о чем говорю. Я ел хаш, едал, были когда-то и мы рысаками. Два раза. Тогда, когда... Словом, как говорил Атос, когда у меня был собственный замок.

Чу! Какое к черту «чу» в корчах головокружения, это все изыски эстетов. Ишь ты, я еще помню слово «эстет», не все потеряно. Это прогазовал на холостом синий «форд-фокус» у четвертого подъезда. Значит, без четверти девять. Пора вставать.

Подъем

Почему же все так трудно. Почему же все так сложно в жизни. Я хочу пить, внутри уже все горит. И я хочу покоя, шевелиться невыносимо. Если бы можно было протянуть руку и взять – не стакан, литровую банку воды – как прекрасна была бы жизнь. Но что бы ты ни захотел – сначала самому надо это сделать, вот в чем проклятье людское. Нет мне воды под рукой. Откуда ей взяться, если я не помню, как сам-то обрубился.

Я сползаю со своего ложа – двух водяных труб в толстой изоляции поролона, обернутого рубероидом. Они теплые и мягкие. Главное – чтоб тебя тут не засекли и не навесили замки на все дыры. Да кто ж весь коллектор перекроет.

Отхожу подальше, там есть ниша такая, и справляю утренний туалет. Когда я не забуду принести сюда какой-нибудь совок или лопатку, я буду все регулярно присыпать, и тогда получится биотуалет. Нельзя же гадить там, где спишь. А где устраиваться? Город – это тебе не сад. Как представишь утром миллион одновременно гадящих – словно в гигантском сортире живешь. Идут себе все такие чистенькие, красивенькие, словно и не корячились только что, а город плывет на подземных реках их вони. Утром вообще жизнь чувствуешь через отвращение.

Еще, я вам скажу, стало плохо с газетами. В смысле очень мало выкидывают. Не читают. Интернет читают, сволочи. Компьютером не подотрешься. Туалетную бумагу я не имею в виду, платную. Когда-то, я помню, все покупки заворачивали в какую-никакую бумагу. А сейчас в пластиковые пакеты. Они скользкие. Так что я срываю всякие наклеенные объявления. Бумага всегда пригодится.

А вот теперь надо идти в другую сторону, два поворота направо, пять шагов – жестяная будочка. Дверца на поворотной задвижке. За ней – кран. Под краном – большая жестянка из-под горошка... Св-волочи! Сперли банку. Я осторожно приоткрываю кран и пью чистую, холодную, отдающую металлом воду. Перевожу дух и пью еще. Потом мою лицо, шею и руки. Пальцем протираю зубы (оставшиеся зубы, трогаю пальцем дупла, слева внизу два шатаются, но держатся пока). Умывание бодрит. Опустисься – сдохнешь. И все равно сдохнешь, если не опохмелишься. А не сдохнешь – так еще хуже.

Бурение огненной воды

Просто так тебе выпить никто не даст. Легенды о верной дружбе придумали в кино. Когда деньги лишние – что ж друга не угостить. Но денег здесь нет в принципе. Мы находимся на передовом крае обнищания населения. Что интересно – ребята погибают постоянно, а передовой край не пустеет. Не то народ к этой черте подтягивается, не то черта к народу. Короче – бухло и родина едины.

На улице просить бессмысленно. Все торопятся на работу, и вид праздного алкаша только раздражает. Алкаш – алкает. Или алчет.

У магазина кучкуются такие же, как ты сам, там уже наверняка и Полковник, и Самурай, и Удав; а для покупателей еще рано.

В долг... В долг таким, как мы, дает только Господь Бог – дней на земле. И то ненадолго.

Сесть у стены или в переходе – это для самоубийц. Разве что минут на десять – собрал что подали и деру. А может, к тебе не через полчаса, а через минуту подвоят – случаи бывали. Дежурные ездят, следят. Отобьют потроха, сломают кости – а здоровья лечиться уже нету, это только подохнуть останется. Город поделен на участки, нищие – на специальности, и цыганская мафия утром развозит их по местам, а вечером собирает в свои общаги. Все деньги сдать, стакан нальют, пожрать – и на тюфяк. Утаишь – убьют, никто не хватится. Менты крышуют. «На операцию матери», «безногие десантники» – все их организация. Старушка-богомолница юродивая – и та или отстегивает, или исчезает навсегда.

Честно подкальмить невозможно. Ни в какой магазин на разгрузку-погрузку хоть чего, хоть тары, нас не берут. Вид, запах и невладение собой при возможности спереть и пропить все равно что... Там свой контингент.

Когда-то был честный бизнес – собирать бутылки. Даже участки были свои. Пяток сдал – одеколон твой. В наше время и бутылок не найдешь, и сто́ят копейки, и сдавать замучишься искать куда, и ларьки-то с «Тройным» и «Огуречным» исчезли, как корова языком слизнула. Вот тоже удивительно: народ спивается – а где он спивается? Как узнать места, где он конкретно спивается, и очищать там город – уносить стеклотару?

Процесс вымирания народа незаметен до полной непонятности. Словно их среди бела дня аисты уносят и прячут в капусте навсегда.

Когда я... словом, когда у меня был свой замок, я завел референта по культуре. Она мне пересказывала человеческим языком знаменитые книги. Какая отличная была у нее задница! Там была книга, где люди постепенно превращались в фашистских зверей: не то волков, не то бегемотов, а сами себя полагали нормальными. Она объясняла, что все мы постепенно в кого-то превращаемся... «Чивас Ригал»! Мы пили восемнадцатилетний «Чивас Ригал»! В любое время, хоть полный стакан, а со льдом – эликсир счастья! Есть, есть на свете счастье, просто оно всегда не с тобой. А потом на диване превращалась в мартовскую кошку. Образованные дамы вообще дают дрозда круче тундры. Культура, она говорила, возбуждает все чувства и... о господи, не может жить человек с такой помойкой во рту!.. и развивает воображение. Это я к тому, что мы постепенно превращаемся в таджиков и чеченцев. Никто не видит, как они приезжают и устраиваются на работу. Просто они вдруг раз – и есть. А наши вдруг раз – и нет. А только что были. Эволюция. Народ меняет внешность, религию и привычки.

Если бы я стал чеченцем, уж то-то вы у меня хвосты бы поджали. Да если б я стал таджиком, и то изменился бы меньше, чем оставшись русским.

Закрома родины

Помойка – колыбель человечества и могила его собственности. Как любая могила, она дает пищу новой жизни. Вот и мои мусорные баки.

Все уже разошлись на работу, скинув по пути свои пакеты и свертки. В этот свободный час сюда никто не заходит. Полные баки уво зят ночью, с утра здесь все свежее. Работа в этой загородке рифленого железа – куда чище, чем в морге или прачечной, про ассенизаторов я вообще не говорю; хотя они до фига зарабатывают.

Не помню, в каком кино это было: «Джентльмен не должен быть брезгливым». А может, звучало не так: «Джентльмена ничто не может унижить». Ну, кто помнит, как в девяностом году джентльмены рылись в урнах, вытаскивая бычки подлиннее, и гнали дома самогон из томатной пасты, тот нас поймет.

Ворона взлетает на дерево и оттуда недовольно мне каркает. Левый хук в голову, то бишь засветить в правый глаз, у меня еще не вовсе пропал, так что мое право на эту экономическую зону партнеры уважают. Я задвигаю за собой рифленую аппарель и сортирую содержимое своей доли от недр и прочих богатств страны.

Весь улов делится на три части: для еды, для личного пользования и на продажу. Из продуктов оказывается, как чаще всего, несколько кусков подчёрствевшего хлеба, тронутый нале том плесени обрезок сыра, вполне неплохой еще помидор, половина вялой луковицы, слегка надгнившее яблоко, суповая кость с хрящами и невысосанным мозгом, почти целая пачка чуть-чуть подкисшего творога и немного слипшегося в корку сахара на дне пачки. Не свистите про кризис, до голода стране еще далеко. Вот и мне на день хватит.

Одна из неумных и подлых людских привычек – выбрасывать окурки вместе с влажными обедками, после чего эту табачную кашу курить уже невозможно. А сушить – где их сушить?.. Но десяток длинных и сухих бычков находится. А вообще курево надо собирать в урнах на автобусных остановках – поздно вечером, а то утром дворники их опорожняют.

Из полезного я несколько раз находил ножи, их или терял, или менял на выпивку. Ложки, вилки, щербатые чашки, рваные скатерки. Держать негде. Только то, что с собой в сумке.

А вот одежда – все одеты с помоек. Кепки, куртки, джинсы, рубашки, любая обувь, футболки, трусы – все есть. Простирнуть, починить – и одет будто из магазина.

Сегодня случай мне выделил две как новые, целые и стираные сорочки. Кому-то, значит, надоели, или из моды вышли по его мнению. Я завернул их в пакет почище и пошел к Барсуку. Резво пошел, как верблюд на водопой, чем ближе к цели – тем быстрее.

Бартер

Денег Барсук никогда не платит. Он истинный бизнесмен. Когда бухло у тебя перед носом – отдашь что угодно.

– Сэконд-хэнд на Пушкинской закрылся – куда я их теперь дену? – начал он канючить, ломать комедию.

– Слушай, почему всем барыгам не дать одно погоняло – Паук? – спросил я.

– Придумай чего поновей, это ты меня каждый раз спрашиваешь.

– А ты каждый раз не отвечаешь.

– Смотри сюда – видишь: манжета протерта?

– Совесть у тебя протерта. Какая манжета?! Нишуля же на рынке от тебя торгует, эти рубашечки по стошке улетят быстрее голубей!

Он сидит в кресле, гадина, в подвале своем дворником, и барахло вокруг навалено горами вдоль стен. Говорят, в районе ремзавода у него четырехкомнатная квартира и любовница из стриптиз-клуба. А кресло старинное, высокая спинка мореного дуба резного, и кожа свиная потертая бронзовыми гвоздиками окантована. Отреставрировать это кресло – цены ему не будет. Из-за этой шикарной норы его Барсуком и прозвали.

– Трубы горят? – глумится он.

А ведь один удар ребром ладони по горлу – и покойник. Да ведь найдут, вот в чем беда. Вру, не найдут, на хрен он ментам сдался, прижучат первого же попавшегося бомжару, и дело с концом. А кому потом товар сдавать будешь?..

– До тридцати семи лет я вообще не знал, что такое головная боль, хоть с похмелья, хоть на ринге, – душевно жалуясь я, строя отношения.

Барсук запускает руку в ларь, заменяющий ему письменный стол, и достает голубоватый пластиковый флакон 0,7 «Неп» – стекломоя. Цена его полтинник, и от него два месяца назад загнулся Узенья.

– Вот спасибо, – говорю я. Это изопропилен, технический спирт, сто грамм – а следующую сотку уже пьешь нектара в райских куцах. – И дуста на закуску, да?

– Че рыло-то воротишь, – бурчит он. – Люди берут, не жалуется.

– А ты часто слышал, чтоб покойники жаловались?

– Так а че те надо? – кривится он, но убирает свой яд и ставит на ларь розовый лось он. Экономный парень. Девяносто пять грамм – по сорок пять рублей за флакон, если место знать.

Я забираю флакон и обратно одну рубашку.

– Куда потащил?

– Один флакон – одна рубашка. Два флакона – две рубашки.

– Нет у меня больше розового! Зайди завтра – отдам.

– Ты – отдашь?! Рубашечка, кстати, – чистый хлопок, смотри.

– Ну нету, честно говорю.

– Давай чего есть!

Барсук правильно прикидывает силы и расклад и добавляет флакон «Ландыша» – восемьдесят пять грамм, цена та же, кпд тот же: семидесятиградусный нормальный спирт. В аптеке это все в полтора раза дороже. Если есть. Если пустят. Если дадут...

Жизнь прекрасна

Время к двенадцати. Солнышко вышло и греет. Бабье лето, тепло. Стена нагрелась, и сидеть, прислонившись спиной к теплым кирпичам, приятно. Кусты закрывают до окон первого этажа, листья еще не все облетели, и я здесь отдыхаю в собственном саду. Недалеко воробьи чирикают, на детской площадке мелкие галдят, из форточки вверху справа борщом тянет. Мысленно я ставлю Богу свечку: вот и еще день жизни. Когда быть лучше, чем не быть – чего еще надо?

Я выпил половину розового, закусил помидором, сплюнув гниль, и засмолил сигареткой – на две трети целой. Допил, закусил сырком и еще полсигаретки выкурил. После этого надо посидеть немного – чтоб приход был весь. Дышать неглубоко, чтоб не вентилировать зря легкие, не улетучивать кайф, он только завязывается. Глаза оказались прикрыты, и под веками светлосерые и темные пятна сливаются в муаровый узор, расцвеченный прихотливым желто-красным крапом. Эти текучие переливы теней неуловимым образом передают картины детского покоя, уюта, любви и надежд юности, и саму атмосферу юношеской свежести: и бесконечные расширяющиеся коридоры будущих твоих жизней, и увлекающий зов радости и победы на всех путях, и лица мамы и папы становятся их голосами, теплая родная рука обнимает тебя, и ничего уже больше не нужно.

Вот здесь необходимо сделать усилие над собой и открыть глаза, иначе могут появиться слезы и очнешься в черной депрессии. А в награду за силу воли и ощутишь солнышко бабьего лета, и тепло стены, и птичье цвирканье, и радость в теле и сознании. Вот я теперь и наслаждаюсь.

Флакон лосьона равен по содержанию спирта и общему эффекту нормальному стакану водки – это мы давно высчитали. Теперь я грамотно распределяю «Ландыш» на три глотка по двадцать пять-тридцать граммов – на три небольшие культурные такие рюмочки. В паузах между рюмочками надо пожевать немного хлебушка, сделать несколько затяжек и подумать о чем-нибудь легком и приятном. Вспомнить хорошее старое кино, или вообразить себе с завтрашнего дня новую жизнь настоящего крутого мачо, поднимающегося с любого дна и выходящего из любых ситуаций; или вспомнить кого-нибудь из своих баб и рисовать себе (с чудесными подробностями, дополняя действительность до идеала), как замечательно вы трахались, и не расстались, она любила тебя, ты ее, дети выросли здоровыми и удачливыми, дом благополучен, и друзья завидуют вам. А завтра – ведь вполне возможно – рядом с тобой пронесется погоня одной машины за другой, стрельба, все трупы, рядом лежит кейс, и ты хватаешь и скрываешься с этим кейсом, а там – шесть шнуровок баксов, шесть вакуумных запрессовок в полиэтилен – по десять пачек стольников пакет, по сто листов пачка: шестьсот штук. И ты суешь кейс в грязный пакет с помойки и прячешь в своей норе поглубже, один стольник меняешь в дальнем обменнике, чтоб знакомые здесь не засекали, покупаешь на базаре скромную, но пристойную одежду, идешь в баню, в парикмахерскую, к стоматологу, покупаешь квартиру – нет, сначала надо восстановить документы, но это дело наживное, особенно если в лапу сунуть...

...А вы говорите – алкоголизм. Ты сел под стену мешком дерьма – и через час встал человеком, который все может, и окончательно ничего не потеряно, и все тебе по силам. В меру выпивший человек – это и есть хозяин жизни и царь природы!

Прогулка

Если честно – никогда я не любил работать. Я любил свободу. Что же здесь плохого. Труд – это принуждение. И какая разница, принуждает тебя государство, семья или Господь Бог. Ненавижу любое принуждение. Сами придумали – сами работайте. Кони тупые.

Память – странная штука. То помнишь все, а то ничего. Утром помнишь одно, а вечером другое. Вдруг – р-раз! – будто все прожектора направлены в одну точку, и тогда ярчайше высвечивается какой-то забытый случай в мельчайших деталях. И серый колпак – хоп на голову! – и вообще ничего не помнишь, хорошо бы только сдохнуть тихо и завязать со всей этой бодягой.

Я иногда не помню, как называется город, в котором я живу. И как я сюда попал. Честное слово. А потом думаю: какая на хрен разница. И перестаю вспоминать. А потом оно само восстанавливается. Но не навсегда.

А другое рад забыть, так застряло и не уходит.

Рука воспитательницы! Голос учительницы! Очки директора! Дневник! Отдел кадров! Аусвайс, виселица, крематорий, фашисты!

Я ненавидел ходить в детский сад. Утром, зимой, в темноте. Ненавидел школу. По звонку, вместе, встать-сесть, всем на перемену, подними руку. Ненавидел страх остаться без работы: страх перед крушением бизнеса, страх перед безденежьем и нищетой.

Ненавидел страх перед тем, что жена мне изменит или вообще меня бросит. Страх перед болезнью детей. Ужас перед смертью матери. Кошмар перед собственной смертью меня изводил до судорог, но им я переболел лет в восемь, собственная смерть перестала быть чем-то личным, а так – деталь анкеты.

Я читал сказки про бродячих рыцарей – идеальные люди вели идеальную жизнь. Я представлял себе утро бродячего рыцаря: встаешь когда хочешь, делаешь что хочешь и едешь куда хочешь. Убил дракона. А мог бы не убивать, мог объехать мимо. Захотел – убил, захотел – к черту послал. Женился на принцессе. А мог бы вообще не жениться. Захотел – женился. Захотел – стал отшельником или уплыл за море.

И вот я пованиваю, возможно, но никого не заставляю себя нюхать. Питаюсь скромно, но ради куска хлеба потеть не стану и уж тем более подлости и злодейства не совершу. Живу без лишнего комфорта, но и в рабство себя на десять лет ради собственной собачьей конуры не продаю.

Уроды вы все тупые. Я-то и есть тот самый идеальный свободный человек, о котором «тысячелетия мечтали лучшие умы человечества», или как там было в учебнике. Подотритесь вашим учебником – и марш обратно на плантацию. Трудитесь, грязные негры, солнце еще высоко!

А пока вы вкалываете и трясетесь перед завтрашним днем, пока из кожи вон лезете, чтоб не потерять достигнутого или достичь большего – свободный человек выходит на прогулку. Джентльмен и денди выходит на прогулку. Выше, чем джентльмен и денди – аристократ духа выходит на прогулку, и ничто не может лишить его статуса и привилегий.

Я тихо гуляю по солнечной стороне улицы Ленина. Проносящиеся машины развлекают меня, они придают пространству энергетику и темп. Они красивые и со всего мира. Больше всего тойот и ниссанов, но ауди и БМВ тоже много. Мерсы почти все черные, а джипы преимущественно мокрый асфальт или серый металлик. Маленькие дамские пежо и рено часто яркие – зеленые, красные, даже желтые. Не знаю, почему синих машин практически нет. Жигулей почти не осталось, и эта квадратненькая коробочка из другой эпохи каждый раз, как толчок сердца, гонит по жилам тихое презрение к родине: где все, а где туземцы мы.

Прогулка по улице не сравнится ни с каким клубом. У мужчин я смотрю на лица и плечи. Большая часть – полный отстой. Озабоченные, слабые, сломанные. Хмурые – а не бойцы.

Готовы к злости – а всерьез не опасны. Продукт подчинения. Боже мой, как тяжело, горестно как принадлежать к быдлу. Ведь я сам такой же, просто стою вне толпы.

Красивый мужик редок. Твердое лицо, костистый подбородок, широкие плечи, движения с запасом. Такие редко движутся по тротуару. Иногда выходят из хороших тачек. От них излучается уверенность и превосходство – неброско так, сдержанно.

Самые красивые мужчины – азербайджанцы. Мы с ребятами интересовались – те же турки, только горские. А турки веками крали лучших баб и увозили в янычары лучших мальчиков. Вот и вывели породу. Селекция. Я, конечно, жирных торговцев в виду не имею. Слащавые и трусливые хачики нас не интересуют. Но часто даже бомбила на «копейке», цветочник какой-нибудь: лицо точеное, медальный профиль, квадратный подбородок, резкие морщины воина, широкие прямые плечи.

Красивый славянин, похожий на викинга с картинки, крайне редок. Не то перевелись, не то съехали, не то и не было никогда: затерялась Русь в мордве и чуди, как писал поэт.

А у женщин гораздо больше есть на что смотреть. Лицо, грудь, талия, попка, бедра, ноги. Мужчина – это организм для делания дел и получения денег. А женщина – это человек, имеющий ценность сам по себе. Господи, сколько же у нас красивых женщин! Почему, каким образом в стране уродов столько красивых женщин? И лица-то у них добрые почти всегда... Почему обрекли их жить с этими чмошниками тестомозглыми, в чем здесь смысл...

Вот у этой такие волосы белокурые, пепельные, чуть вьющиеся, что остальное уже лишнее. Ох, вот это ноги прошли – точеные колонны от самых ушей, лица сзади мне не видно, да и незачем. А вот это бюст! вот это сиськи! вот это гордость женская! и как же ловко эти дыни в плащ-то упакованы! У мужиков глаза должны просто пеленой заволакиваться. А попки хороши каждая третья, от силы четвертая; я считал. Есть плоские, есть треугольные, если сползающие под колени, все, конечно, есть. Но каждая четвертая – просто произведение искусства, музей скульптуры по ним плачет. Ах грива рыжая подвитая по ветру летит! Глаза, господи милый, какие глаза-та бывают, блестящие, с раскосинкой, зеленоватые, прозрачные, а внутри грустинка дрожит, умереть на месте за эту грустинку, и на миг удалось взглядами с ней встретиться, я этого взгляда долго не забуду...

А обувь какая красивая в витрине. А бутылки какие разные, красивые, этикетки – высокая живопись, и все ведь есть. И я могу остановиться и рассматривать эти бутылки сколько угодно, надписи читать, градусы, представлять себе вкус, и что чем лучше закусывать.

Пассажиры лезут в подошедший автобус, на скамейке остается книжка, и маленький хроменький бомж ловко вдвигается под навес остановки и сует книжку себе в карман.

– Здорово, Белинский!

Белинский

– Чего разорался, – недовольно сипит он. Сипит-то он сипит, но как выпьет и разойдется – такие речи произносит, не то соловей, не то соловей-разбойник. И все на литературу сворачивает. Он и был учителем литературы. Пока его один родитель в ухо не наладил – за двоечника. Не то колотуха у родителя была поставлена, не то уши у наших литераторов слабые и не слышат они предупреждений судьбы. Родитель его год предупреждал. А после въехал. И половина мозга у Белинского вылетела из противоположного уха. Теперь он с нами. Для нашей жизни любой половины мозга вполне достаточно.

– А угадай-ка, что это: в одно ухо влетает, в другое вылетает?

Намек его злит: всплакнет или укусит.

– Лом!.. – наставительно говорю я, он не выдерживает и хохочет вместе со мной, брызгая сквозь редкие коричневые зубы. Диковатое это зрелище – хохочущие середь людей бомжи. Энергия у нас не та, разве что на жиденькое гыгыканье хватает. Смех требует молодости, здоровья; и благополучия. Смех – это показатель общего счастья человека, а вернее даже – его жизненной перспективы.

Я заметил уже года как два или сколько-то там: вообще я отупел в порядке, и думаю о чем-то редко. Чаще или тошно, или заботы решить: выпить надо, голод как-то утолить, согреться в холод, от дождя вовремя в нору залезть или потом сушиться. Шмотки, опять же, нормальные иметь. И на глаза особо не лезть – в дезах злые суки грозят, дворники палкой метлы по голове целят, суки, матерят что мы везде ссым и срем и помойки из баков раскидываем. И жильцы случаются садисты, в лютый мороз из подъезда гонят несчастного, которому зайти некуда оказалось, наших сколько зимой мерзнет. А уснул днем на скамеечке, куда мент по дурости зашел – возьмет да оттянет дубинкой по почкам. А почки и так еле фурычут, отбить их нечего делать, и умирают потом ребята.

А вот когда выпил в меру, и живот насытил, и не болит ничего, и погода хорошая, теплая, и заботы не грызут, – тогда счастье. И размышляешь о жизни. Неожиданно всплывают в голове знания, когда-то туда попавшие.

– В Грецию надо перебираться, – втолковывает мне Белинский (он беспрерывно болтает свое), ведя узкими дворами вдоль заборов в свой сарай. Забытая сараюшка, не снесли почему-то. Со скрипом отходит снизу край доски вместе с гвоздем, и мы лезем сквозь щель в его «библиотеку». Он сюда сволок деревянные поддоны от супермаркета, и пластмассовые ящики (тару от бутылок) составил на них рядами – боком, типа стеллажей. Ящики громоздились салатные и голубые. И там у него книги. Много, разные, некоторые совсем как новые. Сейчас много книг выбрасывают. Особенно если кто умер, их среди старья и ремонтных обломков прямо в эти мусорные контейнеры, такие вроде кузовов для самосвалов, прямо по рукавам из окон ссыпают. А иногда оставляют аккуратно рядом с подъездами. Старушки у рынка их по десять-двадцать рублей продают.

Подобранную на остановке «Месть вора» Евгения Сухова Белинский аккуратно поставил рядом с Чингизом Абдуллаевым. Русские боевики, значит.

Он рехнутый, Белинский, книг от жизни не отличает. Говорит нормально, и вдруг – раз! – несет ересь нездешнюю, и смотрит при этом чистыми глазами. Чистая шизофрения. Замели бы в дурку, да там своих девать некуда. В дурке быстро превращают всех в овощей, и они гниют на койках в своих лужах, дожидаясь близкого кладбища.

– Карательная психиатрия! – неожиданно выскакивает из меня, и мы с Белинским удивленно смотрим друг на друга.

– Греция – родина Диогена, – недовольно продолжает прерванный Белинский. – Теплый климат и плодородная почва позволяют человеку пускать больше энергии на умственные про-

цессы. Обилие пищи снижает уровень агрессии, люди там толерантнее. Греки чтят своих предков, и если мы поселимся в бочках, к нам будут хорошо относиться. Не говоря уже о том, что гений русской литературы Антон Павлович Чехов написал, что в Греции все есть. А он был очень реалистичен в деталях!

– А он не написал, как туда проехать?

– Нет. Он учил географию по учебнику. А ты?

– Что – я?

– Ты – учил географию по учебнику? В школе? Не отвечай – я угадаю! Если нет – или ты болел, или тебя украли цыгане и заставили просить милостыню. Как мало мы знаем друг о друге!.. – сокрушенно поник Белинский.

– Однажды я уже это слышал от фээсбэшника, – сказал я.

Белинский снял с полки, в смысле вытащил из ящика «Атлас мира» и раскрыл политическую карту Европы.

– Через Киев в Кишинев... – вел он ногтем, – Бухарест, София. А дальше – Греция.

– Через Киев нельзя, – предупредил я. – Там сейчас фашистская хунта.

– Когда?! – подпрыгнул Белинский. – Какая?!

– Ты что, дурак? Которая совершила кровавый переворот.

– Ужас какой... – прошептал он. – Тогда... мы пойдем через Полтаву и Черкассы. В Полтаве жил Гоголь, там нет фашистской хунты.

– Есть, – сказал я.

– Откуда?

– Из Киева.

– А... зачем она там?..

– Чтобы совершить кровавый переворот, – предположил я.

– Тогда... через Харьков и Львов.

– Там тоже хунта.

– Я не понимаю. Она что, везде? И давно? Сколько уже?

– Сколько надо, столько и хунта.

– А... у нас?.. – со страхом спросил Белинский.

– При чем тут мы? У нас, слава Богу, демократия.

– Ф-фух... – облегченно выдохнул он. – А то я уже испугался.

Отцы и дети

И тогда я делаю ошибку. Я иду погулять в наш парк. В нем желтые листья, и почти нет в начале дня людей, и танк Т-34 на постаменте. Звездочка алеет на башне. А на другой маленькой полянке, или внутреннем скверике, как сказать, куда звездой сходятся несколько аллеек, стоит гипсовый лев. Или алебастровый. Белый. Сероватый от погоды, облупившийся, конечно. К этому танку и этому льву меня водили гулять еще ребенком, только ходить начал.

Теперь я часто думаю об этой символике. Страна готовила меня к боям и победам. Воспитывала из меня солдата и повелителя. И где та страна с ее гордыми идеями? В глубокой заднице. А на самом дне этой задницы – я, верный сын своей родины. Повелитель помойки семнадцатого дома.

Я выбираю удобное место на траве, чтоб светило солнце и был виден лев. Он скалит клыки, а морда у него старая и удивительно добрая. Лежу, удобно опираясь плечами и головой на мою сумку, пристроенную к березе.

От этого льва начался мой жизненный путь. Совершил огромный, почти полувековой круг и замкнулся. Но это только кажется, что замкнулся. Когда у тебя ничего не болит, и тебе не мокро и не холодно, и ты сыт, и ничего не боишься – ты понимаешь, что еще не поздно. И силы, оказывается, еще есть. И – самое главное и удивительное! – желание есть, воля есть! Я еще поднимусь, ребята. Прорвемся. Я умею. И знаю как. И не из такого поднимались.

Злая и трезвая точка в мозгу, как мент с дубинкой среди поющей толпы, беззвучно предрекает тщету всех надежд: не в первый раз. Но злой и трезвый внутренний мент едва уравнивает чашу весов – а на другой чаше как раз поющая толпа. И малейшее усилие сдвинет мечту к движению в реальность. Все зависит от тебя самого, вот в чем дело. Э, доводилось мне делать вещи и покруче.

...В голову попала разрывная пуля, голова взрывается! Рука оторвалась! От следующего удара я прихожу в себя. Проснулся. Меня пинают, быстро, зло! Хотя несильно. В ухо больше не попадают.

Это мелкие. Беспризорники. Промышляют. Я их добыча. Все случилось из-за сумки. Ее рвут с ляжки, перекинутой через шею подмышкой.

Черная лакированная туфля с острым твердым носком бьет особенно больно. Пацанов человек шесть, на вид еще дети, и жалости они не знают. Зверенышам убить – азартная игра. Я прикрываю лицо руками, подтягивая колени к животу.

Сумка. Я заснул с сумкой. Клетчатая клеенка, как у челноков, но поменьше. У каждого вольного человека есть сумка. В ней хранится его собственность, необходимая для жизни. Куртка на поролоне, болоньевый плащ или кусок пластиковой пленки – от дождя и на подстилку, шерстяная шапочка. Еда в пакетике, ложка, нож. Пара пластиковых стаканчиков, кружки сейчас не достать. Может быть еще годный будильничек, какая-нибудь красивая безделушка на обмен. Может быть рубашка, свитер, носки-трусы практически целые.

Вот на сумки они и охотятся. Они растут, им есть надо...

Как бы не убили! Могут плеснуть бензином и поджечь. Могут полоснуть лезвием. Могут камнем по голове. Надо встать!!! Убью одного – остальные убегут.

Отдать сумку? Поздно. Они завелись всерьез. Мое счастье, что слабенькие и хилые. Дети подвалов, наркоманы. Их рваные кроссовки и боли не причиняют, только один в больших берцах бухает с размаху в ребра, как таран. А вот черная остроносая туфля так и гвоздит!

Я перехватил тонкую щиколотку выше туфли и сильно дернул. Пацан упал, я мигом дотянулся схватить его за яйца и вывернул с силой. Он взвыл и скорчился.

Двумя руками держась за березу, я сумел подняться на ноги, пряча лицо от растопыренных пальцев, которые норовили ткнуть мне в глаза. Тут лямка сумки моей наконец лопнула от рывков, и грабители мои и убийцы бежали с ней и скрылись меж деревьев.

Вот гадство. Я остался без вещей.

Поверженный враг скорчился на боку, держась за свой детский размножительный аппарат. Надо было или свернуть ему шею для спокойствия, или как-то помочь. Они злопамятные, малолетки. Замурзанный, тощий, из зажмуренных глаз слезы. А рожа исцарапана, губы сжаты. Злой мальчишка.

Курево я держал в кармане, в пачке из-под «Бонда». Не помялось. И зажигалка осталась на месте.

– Куришь, крутой бандит? – спросил я, пуская дым.

– Убью, – глухо пообещал он с земли.

Через пять минут мы сидели рядом и курили по второй.

– Зачем же вы у своего, у старика отбираете? – говорил я. – Крутые – так бомбите воздушных челов (богатых людей). Взял приемник из тачки – и живи сытно.

– А чего тебе зря пропадать? – равнодушно сказал он. – Риска нет, а навар какой-никакой. Хоть покурить, может из барахла чего найдется.

– Ты уже убивал кого-нибудь? – спросил я.

Он пожал плечами. Нормальный подросток, мальчик даже, скорее. Джинсики не такие грязные, курточка нормальная, а туфли лаковые острия тянут на мужской размер. Видно, все лучшее в шайке себе отбирает. А личико – специфическое: припухлое, под смуглостью бледность землистая просвечивает, карие глаза злые и твердые. Санитар городских джунглей, не то крысеныш, не то волчонок.

– Из-за вас все зло, из-за паразитов, – сказал он.

– От меня тебе зло? – изумился я.

– От таких, как ты. Которые бросают своих беременных баб, а бабы потом идут на панель.

Вас вообще всех кастрировать – и в колонию, работать, пока не сдохнете.

– Это тебя мать научила?

– Жизнь научила. Страну прогадили, совесть прогадили, а сами не сдохли.

Развитой ребенок. Опоздал комсоргом родиться.

– Что ты в жизни видел. А ты учиться не пробовал?

– Пробовал. В интернате. Хрен я туда вернусь. Лучше сдохну.

– Да вы все быстро дохнете. Дурью дырки набьете – и дохнете.

– Тебе еще в рот не ссали, – сказал мальчик наставительно. – Тебя еще на хор не ставили.

Кому ты нужен, огрызок, ты вообще жизни не видел.

– Поживи с мое, микроб, узнаешь.

– Наши столько не живут. Это вы, плесень, воняете – а за жизнь цепляетесь.

Потом мы пообещали убить друг друга при первой встрече, а потом – глядь! – по аллейке ЛГБТ наш шаркает, Петюня. Увидел нас и улыбается.

Цветы жизни

А улыбка у него, у пидораса, добрая и открытая. Отцовская такая, дружеская. Просто ходячая забота о ближнем.

– Чего ты мальчишку скуриваешь, – укорил он. – Хоть покормил бы чем.

– Они уже мной покормились. Всю сумку скоммуниздили.

– А чего ты пришел в их парк со своей сумкой? Да еще заснул, небось. Вон от тебя дух какой парфюмерный. Сам виноват, нельзя детишек в искушение вводить. Им знаешь как кушать хочется, не то что нам...

Петюня сел рядом, с другого бока пацана, и достал два мятных пряника в прозрачном пакетике:

– Угощайся, брателла. Этот зверь вообще к малолеткам жестокий, я его давно знаю.

Когда-нибудь я его, педофила поганого, убью. Вот будет настроение особенно поганое, и я его убью. Трудность в том, что вообще по жизни он кент нормальный. Подлянок не кидает. Просто крыша со сдвигом. Как мальчика увидит – так у него встает. И тут он уже собой не владеет, готов на любые жертвы и унижения.

– Легабот, – поддразниваю я, – пойдем на ферму посмотрим, как там сегодня боровков холостят?

Он даже лопатками передернул. Глянул как змея, чуть не зашипел. Да ладно, какое мое дело. Я ему подмигнул. А вообще его, конечно, стерилизовать надо. Не уколом, а реально. Чтоб писал из дырочки в ровном месте.

– У скопцов в секте, кстати, хорошо кормят, – ну не могу я удержаться. – Правда, там работать заставляют. И молиться.

Тут глаза у него белеют, и я понимаю, что он меня первый убить может.

– Погубит тебя твоя доброта, – говорю. – Нельзя же вечно лучшую хавку шакалятам раздавать.

А он тащит еще пакетик: там булочка с кремом маленькая. Подсохшая, но почти мягкая. И дальше пацану скармливает.

– А взрослый уже малец, – льстит примитивно. – Девочек уже, поди, дерет! Тебя как звать, любарь-террорист?

– Андрей, – с достоинством представляется пацан.

– Стоит уже по утрянке-то, Андрей?

После крошечной паузы пацан солидно кивает и пожимает плечами: как же иначе-то, само собой, и даже излишне стоит, непрощенно. С этого бродяжья и недокорма нищего что там у него может стоять, у несчастного.

– Может, Алиску ему привести... – думает вслух Петюня. – Она всегда готова, любит это дело, а сама молодая, старые мы для нее. Да уж и смотрят у нас всех на полшестого с этой жизни, ведь отраву все пьют страшную, от нее даже фонарный столб не встанет, сами-то еле живы.

Пацан, Андрей то есть, улыбается неуверенно.

– Слышь, Пирамида, – обращается ко мне Петюня самым естественным тоном, – сходи приведи Алиску, ты ж знаешь те скамейки за летней эстрадой, где она тусуется. А мы пока покурим, точно, Андрюша?

И эта гадина достает маленький прозрачный пакетик с табаком: никакой это не табак, это смесь табака, реальной анаши и спайса; я его приколы знаю. Сворачивает аккуратную, приятно смотреть, самокрутку и предупредительно мальчишке дает из рук зализать склейку, чтоб тот не побрезговал потом, неровен час. А ведь видеть должен пацан, что там такое, не мог запах не почуять, наверняка спайсы пробовал. Но еще не въехал, что сейчас курить это ему не надо.

Петюня делает вид, что затягивается, и передает Андрею. Процесс пошел.

– Трава? – спрашивает жертва.

– Ну, отличная! – подхватывает Петюня.

– В нос как спайсом отдает.

– Чистая индийская, сынок, без примесей, не разбодяженная.

Через минуту зрачки пацана расширяются, по лицу бродит тревожная улыбка. Паук рас-
творил мозг своей жертвы.

– Опасно здесь на открытом месте! – громко и убежденно говорит Петюня. – Менты с собаками ходят, облава! Спрятаться надо, идем быстро! Успеть надо!

Уводит пацана за куст:

– Ложись!

Тот под гипнозом, озирается невидящим лицом.

– Тебя ищут! – пугает Петюня. – Одеждой поменяться надо, в моей тебя не узнают!

Он еще велит мальчику затынуться, спускает с него джинсы и укладывает на живот. В торбочке у него всегда есть и тюбик вазелина, выдавливает прозрачную гусеницу на корявый указательный палец и смазывает свой коричневый банан, нечеловеческий какой-то, животный. Остаток с пальца сует меж бледный тощих ягодиц мальчишки и пристраивается. Когда он начи-
нает свои втыкания и сопения, мне становится противно. Я подхожу – там рядом на сухом листе аккуратно лежит этот окурочек, охнарик на одну затяжку, – и втягивая крошечную толику дыма, совсем чуть-чуть. Для поддержания общей расплывчатости мира.

По совести – сдать надо Петюню ментам. Но это только на месте преступления эффект имеет. Петюню тут же опустят еще в СИЗО, сделают петухом, определят к параше, и на зоне он точно подохнет. И хрен бы с ним. Но мальчика-то сдадут в спецприемник! И народ обязательно узнает, что его драли в дупу! И каторга для него будет такая, что очень даже легко повеситься может. А здоровье точно отнимут, и характер на всю жизнь изуродуют. Вот такое равновесие добра и зла в природе. В человеческих джунглях.

...Видимо, одна затяжка эта, да на утренние дрожжи, на меня все же подействовала. Потому что когда я осознал себя сидящим на жухлой траве, а спину больно подпирает неровный ствол не то липы, не то осины, – по щекам текли слезы, и печальная боль по человечеству, поголовно несчастному, заполняла мой объем точно по границе кожи, которая отграничивала мою боль от Вселенной.

В пяти шагах Петюня курил нормальный окурочек с видом расслабленным и опусто-
шенно-счастливым. Оргазм он испытал, гадина. Мальчик сидел на равном от нас расстоянии, образуя третью вершину равностороннего треугольника. Джинсы его были в порядке, губы сжаты, иногда он делал странные движения руками, будто отгонял тополиный пух.

– Хоть бы денег заплатил, фашист, – сказал он, заперхал и стал лизать сухие губы.

– Я тебя лакомствами накормил, – рассудительно возразил Петюня. – Я тебя кайфом угостил. Ты, между прочим, тоже от меня удовольствие получил.

– Чи-во-о?!

– Был бы умнее и образованней – понял бы, что получил удовольствие. Наслаждение. Бесплатно. Так с чего же мне тебе еще и деньги к этому всему давать?

Пацан Андрей встал, пошел боком и опять сел.

– Убью я тебя, – безжизненно сказал он. – И тебя убью. Обоих убью. Хоть на улице. Хоть днем. Встречу – и убью. Пику в печень суну – и сдохнете. Оба.

– Вот видишь, – поощрительно кивнул Петюня, – теперь у тебя есть цель в жизни. Это хорошо. А может – придушить мне тебя сейчас, а? Для спокойствия? И прикопать? Здесь и сейчас! А? Ты как?

Суну я ему когда-нибудь под настроение гвоздь в ухо, и спишется с меня половина всех грехов. Только с духом собраться... а то в глазах какое-то голубое мелькание...

Голубой звездолет

В космосе уходил в бесконечность застывший голубой водопад – в тысячу километров высотой и тысячу километров глубиной. И вдоль этого водопада тысячу лет в голубом звездолете летел я. И чувство полета в прекрасной и бесконечной свободе было прекрасно, и счастье это было абсолютным и нескончаемым.

Водопад искрился, и в каждой искре был мир, огромный и законченный. В этом мире все миги жизни застыли в одном времени, и можно было переходить из одного мига в любой другой сколько угодно. А в центре мира стояла огромная, как тот водопад, старинная электронно-вычислительная машина, мигая лампочками и дрожа стрелками. Машина была лишь маскировкой диспетчерского центра, а центр был похож не величественное лицо, из которого исходили лучи, и каждый луч проецировал движущуюся цветную картинку. Все эти картинки и были мгновениями, из которых складывалась моя жизнь.

Фокус в том, что этим лицом был я, и диспетчером был я, и я сам складывал свою жизнь из чего хотел. Вокруг плыл узор из прекрасных женских фигур, и это была любовь. Золотой свет подчеркивал прелесть этого живого рельефа, свет исходил из золотого нимба под их ногами, и это было богатство – легкое и неограниченное. Позади свечения угадывался огромный красочный зоопарк в тропическом саду, типа райского. И все происходило на берегу озера, золотой цвет которого объяснялся тем, что там благоухал драгоценный коньяк. И берег щетинился рядом вонзенных копий – знак верных друзей, ждущих меня.

И не успел я устыдиться потребительской вульгарности своего мира, как он проникся дрожью, стал сворачиваться в трубу и медленно вращаться по часовой стрелке, слева направо: изображения изогнулись и стали длинными, соединились в тоннель, плавным правым загибом поднимающийся вверх, стены тоннеля светились фиолетовым рыцарским светом и состояли из больших шестиугольных чешуек, скорее граненых боевых щитов, чем кедровых шишек. Я был светящимся облачком, летящим по этому тоннелю, выход впереди светился ярко, там нестерпимо сиял лучезарный, бездонный, ослепительный туман – это была пустота, но в этой пустоте содержалось абсолютно все в жизни и вообще во Вселенной. Один голос, как внутренний магнит, велел стремиться туда и познать нечто абсолютное и совершенное, что и есть цель жизни, – противоположный же голос, магнит тот же внутренний, холодея от страха велел тормозить пока не поздно: хоть это и стыдно, и манит изведать тот свет за порогом, но это – небытие, возврата не будет, смерть это.

Тогда вращение прекратилось, я лежал на кушетке, застеленной чистым бельем, а рядом на табуретке сидел профессор Калашников, друг мой Боря, и с добрым дружеским ехидством следил, как я отхожу от кайфа. Длинный, тощий и непобедимо обаятельный в своем жизнелюбивом цинизме. Он вовсе не умер и вид имел преуспевающий. Клиника его процветала.

– Как самочувствие? – поинтересовался он и положил пальцы мне на пульс.

– Отлично, – уверил я, пытаюсь встать, но он меня удержал и велел не торопиться.

Я увидел свои руки и сообразил, что я нестарый, мускулистый, очень чистый и хорошо одет.

– Ну, как тебе понравился кетамин? – спросил Калашников, а я уже знал, что через девять лет он умрет от передоза. Но это просто будут говорить так, что от передоза. А на самом деле он давно знал, чем кончит, и ушел по собственной воле, легко и счастливо. А был доктор милостью Божьей, этому нельзя научиться, родиться таким надо: только посмотрит, ухмыльнется, скажет слово – и тебе уже легче, и все будет в порядке, и ничего страшного в жизни никогда с тобой не случится.

Я в замке король

Отец мой оказался сукою. А ведь хороший был. Когда я пошел в первый класс, он пошел неизвестно куда. То есть ходок был. Больше я его не видел. Не то он в Америку съехал, не то в альфонсы к кинозвезде устроился: преуспел, короче. А может, под машину попал. Мать о нем говорить отказывалась. Она меня одна поднимала. Поднимала-поднимала и надорвалась. Врачом пахать чего ж не надорваться. Хотя вообще я был тихий и неплохо учился. Верил, что ученье – свет и светлый путь к будущему счастью.

В армии я служил в аэродромном обслуживании, колхоз полный, а тут как раз настала новая эпоха. Замполит объявляет – а ни хрена ни понять. Советского Союза больше нет, а вроде и все по-старому. Россия вроде теперь независима – а Украина тоже. Не изменилось ничего, но выйдешь из части – везде «желто-блакитные прапоры». Кормили отравой – стали еще хуже. И керосин завозить перестали. Аппараты встали на прикол. Офицеры на своих «жигулях» подрабатывали бомбилами. Летчики пили и увольнялись из кадров. Кто в охрану, кто в бандиты, кто в бизнес. Было такое новое занятие – кооператор, и тут же исчезло, стало – бизнесмен.

Пришел из армии, поужинал с мамой, пошлялся неделю по городу. Бабам прежним позвонил, все при своих делах, с одной только покувыркались. А я на тот момент, заметьте, бросил пить и курить. В армии в свободное время спортом занялся. Так из себя ничего, а здоровье с детства не очень. А жить и всего добиться охота.

Брожу и жизнь ноздрями втягиваю. Бурное время было, быстрое. Смотрю: «Сибирский дом Ангара». И народ спует. Вход охраняемый, но свободный. Зашел свободно.

И вижу я, ребя, такую картину. Окошечки кассовые. Проталкиваются к ним в очередях мужички, в руке у каждого – котлета каких-то бумажек. Суют их туда. А обратно проталкиваются с такими же котлетами денег. А другие наоборот – деньги сдают, бумажки получают. Цветные такие типа документов. Это дело меня заинтересовало. Если котлету бумаги можно обменять на котлету денег – есть смысл заняться такими бумажками.

Да я только рот открыл – тут же юноша с галстучком нарисовался, под локоток да в уголок поволол: растолковал все мгновенно. Условия простые. Вкладываешь в компанию тысячу – и каждый месяц тебе по двести выплачивают. В год получишь две четыреста.

Но это – только если ты каждый месяц прибыль снимаешь. А если оставляешь прибыль работать в бизнесе компании – то каждый месяц тебе рисуют к дивидендам плюс десять процентов. Месяц не снимал – через два снимешь двести плюс триста. Два месяца не снимал – снимешь двести плюс триста плюс четыреста.

– Через девять месяцев вы можете снять пять тысяч четыреста рублей процентов, и после этого получать по тысяче рублей ежемесячно.

– Вы что, деньги печатаете? – интересуюсь я. – Откуда возьмутся-то?

А у него рубашечка беленькая, галстучек в темную полоску, и бирка на лацкане: «Владислав. Менеджер по финансовому балансу». Усмехается покровительственно и объясняет:

– Бизнес в нашей стране сейчас встает на ноги. За оборотные средства идет страшная конкуренция между предпринимателями. За привлечение капиталов готовы отдать все. Ваши средства вкладываются в торговлю, в импорт товаров народного потребления, прежде всего – сами понимаете, сигареты и алкоголь. Там оборачиваемость вложений – две недели, а прибыль – триста-пятьсот процентов. Люди делают до тысячи процентов в месяц – а спрос еще не удовлетворен, растет. Понимаете, насколько выгодно предпринимателю давать вам в месяц даже тысячу процентов, если сейчас началась скупка предприятий за малую часть их стоимости, потому что денег в стране ни у кого нет? А через три года эти предприятия – хоть нефтепегонные заводы, хоть ткацкие фабрики, хоть универмаги – будут стоить в сто, в тысячу раз

дороже, чем сейчас, пока страна нищая! Вот такой у компании интерес платить вам проценты. Это нормальное бизнес-партнерство – деньги одного плюс работа другого, а прибыль делится.

Подает он мне цветную брошюру, где все это изложено с рисунками и диаграммами:

– Пospрашивайте у людей, их вон сколько в зале, послушайте, что они вам скажут.

А они что говорят? Они говорят: вот он, капитализм, вот она, справедливость и нормальные деньги для честного человека! Подтверждают, объясняют и уверяют.

Тысяча рублей на тот момент равнялась девяти долларам, точно помню, и денег у меня с собой таких не было. И ста рублей тоже не было. И это оказалось хорошо.

Погулял я и через полчаса сообразил, что деньги надо не отдавать, а брать сразу. Выигрывает всегда тот, кто банкует. Купил газету, прочитал адрес типографии. В типографии узнал, почему стоят такие бумажки – акции то есть напечатать. А где ваше юрлицо?

Расценки в юридической консультации остались – десять рублей за консультацию. И никому были не нужны консультации, потому что выжить они не помогли. Не набрал еще юрист силу, большая часть не прибилась к золотым берегам и болталась в проруби вместе со всем отстоем, кинутым народом то есть. Прошел я пустым коридором, стукнул в дверь – и через полчаса вышел, купив за десятку знаний на двести миллиардов рублей, как потом оказалось. Да, мельчал рубль, так вагонами возили.

А спустившись с крыльца, купил я тут же газету в киоске и прочитал объявления, по которым предлагали купить готовые фирмы «из стола». Весь комплект документов с банковским счетом и печатью. Закрытые акционерные общества, открытые акционерные общества, паевые товарищества и товарищества с ограниченной ответственностью. Оформление покупателя директором – в присутствии, в течение получаса. Необходим паспорт. Того, кто будет директором. Причем – чей угодно паспорт: какой принесешь – на того и оформят. Это все дело мне только что скорбная юристка объяснила.

Короче, объяснил я маме про жизнь, сняла она с книжки все деньги, которые и так в пыль превратились, заначку из книг вытаскала, и назавтра купил я за восемьдесят долларов подходящую фирму. И стал полноправным юрлицом. Генеральным директором ООО «А-Цюрих-инвест». И знакомая маминой знакомой выдала мне в банке на эту фирму пять тысяч долларов кредита – за пятьсот отката. Кстати, слова «откат» еще не было.

Через неделю у меня был снятый офис в центре, охранник, четыре девочки за окошечками и штабель ящиков с напечатанными акциями-билетами по 100, 500 и 1000 рублей. Акции большой художественной убедительности, эскиз я сам выбирал в типографии из готовых. А себе я купил деловой костюм и напечатал бейджик «Генеральный управляющий». Объявления в газеты и на радио мы сочиняли с мамой вместе; она вздыхала и крутила головой.

Вообще я сильно сомневался в своей аванюре. Но – фигня! Если у других идет – я что, дурнее?

И народ – попер!

Попер и понес деньги!

Их складывали в картонные коробки из-под масла.

Первый день у меня кружилась голова от нереальности всего этого. О чем они думали, во что они верили – хрен их знает. Как фантики отдавали. Игра в бизнесменов. «Поле чудес в стране дураков» – тогда по телевизору кто только эту фразу ни повторял.

Через два дня я был обладателем килограммов ста денег. Их там набралось шесть с половиной миллионов рублей. В двадцать один год я стал миллионером.

... Через два месяца в двадцати городах работали филиалы фирмы «А-Цюрих-инвест». Они принимали деньги и зачисляли на счета. В каждом филиале был бухгалтер, юрист на договоре, менеджеры и охрана. Что касается названия, то купленная мной за восемьдесят долларов папка, в смысле ООО, называлась иначе, но переименовать было пять минут и пять баксов. Я

два вечера ломал голову над подходящим названием и советовался с мамой. Хотя у нее это все особого доверия, понятно, не вызывало.

Хочу понять

В моем положении прекрасно то, что все уже случилось. Не надо бояться худшего. Бомж подобен самураю: всегда готов сдохнуть. Мысленно каждый из нас уже умер.

Еще прекрасно то, что ничего не надо делать. Пушкин писал про нас: «На праздность вольную – подругу размышленья». Дворянин – это бомж с неограниченными средствами. Чем я отличаюсь от Онегина? – баблом. Статус разный, а суть одна: лишние люди.

Вот я и размышляю – делать-то все одно не хрен. И о чем бы ни задумался – приходишь к одной теме: хрен ли это за страна, что я стал бомж? Я хочу понять закономерность.

Вот смотрите. В девяносто первом объявили свободу. Запрет идеологии, свобода слова, мысли, печати, передвижения, главное – свобода занятий и предпринимательства; свобода партий, движений и так далее. И что произошло? Сразу наверх пошли воры и бандиты.

Народишко резко обнищал и вопит: батюшки наши власти, грабют нас! А власти отвечают: дак а мы тоже грабим. Потому что свобода предпринимательства. Тебя хотят ограбить – на то его свобода. А твоя свобода – на то, чтоб не дать себя ограбить, а наоборот – ограбить его самого.

А журналисты поддакивают: точно, это называется рынок. А рынок – это значит: в свободном обществе все имеет свою цену. И в свободной конкуренции борется, чтоб за себя со своим товаром взять цену максимальную. Кто против свободы – тот совок и тоскует по империи и крепкой руке.

И на этом рынке продается все. Закон, суды, менты, все государственные чиновники – все продается: потому что рыночные отношения и свобода. А что ж государство? А государство и продается: по частям, в розницу.

То есть: они с самого начала грабеж, воровство и коррупцию приняли как часть свободы и рынка. Был революционный лозунг: «Грабь награбленное!». Теперь он сменился контрреволюционным лозунгом: «Грабь кто кого может!».

Честное государство воспитывает честных. Трудовое государство воспитывает трудяг. Лживое государство воспитывает врунов. Ну, а воровское государство воспитывает воров. Вор в нем – это логично.

Интеллигенты, в частности журналисты, оказались полезными идиотами. Они так и не поняли, что свобода без берегов – это бандиты вместо государства. Это быстро оказывается: сила без справедливости – вместо справедливости даже насильно.

Слабые, больные, старые и малые – оказались не нужны. А нужны только те, кто сейчас конкретно приносит прибыль. Поэтому на хрен школы, больницы, пенсии, науку, культуру, – воры и бандиты не имеют с них прибыли.

Отдельный человек думает о собственном благе. А государство думает о благе общем, всего народа и страны, причем не только сегодня, но и завтра. Значит, задача в том – причем самая трудная задача – чтобы каждый, работая на личное благо сегодня, этим одновременно работал на общее благо завтра. Вот для этого и надо правильно организовать государство. Работая на себя – работаешь на всех. Твой труд – полезен людям.

А при «свободе» можно забить на общее благо большой болт с прибором. И спекулировать на бирже. Или приватизировать нефтяные прииски. И вообще заниматься любым мошенничеством, абы бабки сосать из финансовых сетей. А закон – это просто твои накладные расходы: плати – и закон за тебя.

И на рынке остаются чемпионы по обглаживанию ближних. Сожрали тебя? – сам виноват: не выстоял в рыночных условиях. И все больше народа перетекает из человеческой жизни на помойку.

Допустим, я мог устоять и выжить. Купил бы кого надо, взял в долю кого надо. Или угнал бы через поганки бабло за бугор, как все сделали. Но экономика страны бы от этого не поднялась. Значит, рабочих мест больше бы не стало. Значит, в бомжи пошел бы кто-то другой. Но общее число выкинутых на помойку не уменьшилось бы.

Это еще понятно. Это еще ничего. Другое хуже.

Татаро-монгольское иго. Рабство. Враги помешали хорошей жизни.

Царизм. Крепостное право. Монархизм и рабство мешали хорошей жизни.

Советская власть. Диктатура пролетариата, государственная экономика, цензура и кровавые чекисты мешали хорошей жизни.

Девяносто первый год! Свобода, равенство! Долой тюрьму народов! Проходит двадцать лет – и мы опять построили себе цензуру, бесправие, авторитарную власть и нищету большинства.

Значит, народ такой. По отдельности большинство хорошие – а все вместе выходим дерьмо. И крупинки золота и сахара в этом дерьме общей картины и вони не меняют.

Пока его угнетают – он плачет и мечтает о справедливости и добре. Как только поднялся до минимальной власти – стал той же сволочью, плюющей на других. Когда он раб – его жалко. Когда он хозяин – да лучше бы оставался рабом.

Вот в чем горе.

Возьмем Африку. Там как возьмутся где строить демократию – получается в конце концов такая кровавая диктатура, что колониализм – это их светлое прошлое. Не подходит им этот строй. Психология другая. Менталитет не тот.

Вот и нам не подошла американско-европейская демократия. Психология не та и менталитет не тот. Поодиночке – в их строй, приехав, мы встраиваемся легко. А все вместе – автоматически строимся в жлобский вариант монархии.

Да ведь Путин еще был тише воды ниже травы – уже бросились ему лизать, льстить, угождать, клясться в верности. Холопье семя. Ну и получайте свою великую державу.

А мы живем на великих помойках вашей державы. И вас всех в гробу видали.

Выпить мне пора. А то, наверно, давление от стресса поднимается.

Пророк

Чтоб нечего было жрать – так не бывает. Мелочи на батон настреляешь всегда. Но иногда бывает. Ну непруха. Дождь мочит, люди злые, настроение ломают. Вот вчера вообще не жрал, и сегодня с утра – ни хрена же нигде. И тогда я пошел к Пророку.

К нему часто нельзя ходить. Не то что совесть, а типа общественного контроля. Это как последний страховой фонд. Иначе общество его мигом обожрет и кости сглодает. Но я уже давно не ходил. Точно больше месяца. Точно не помню, конечно, но давно. Может, и месяца три. Время-то летит. Душит, воняет, ползет, а само летит.

Короче, пошел я. С духом собрался и пошел. К нему страшновато ходить, честно говоря. Да нет, во всю эту муть я не верю, конечно, но что-то там есть. А может, и верю немного, честно говоря. К нему только начнешь идти – а уже и жрать неохота. Пропадает аппетит.

Идешь и не знаешь, застанешь его или нет. Он возле городской думы работает. И не каждый день. Так примерно в неделю раз стоит. Причем заранее нельзя знать – утром он встанет или к концу рабочего дня, на выход. Народ-то предпочитает на выходе, спокойно, не торопясь – а он иногда к девяти припилит и первому попавшемуся мозги вставляет.

Он человек двойной. От его взгляда иногда голова кружится, ему в глаза долго смотреть не надо, ну его на хрен. У него две биографии, и каждая арматуриной по башке должна ведь кончиться. В два смычка жизнь сыграна.

По первой биографии его еще ребенком забрали у родителей и определили в особую школу-интернат КГБ для детей с паранормальными способностями. Понятно, что была это в общем не школа, а секретная лаборатория КГБ, где исследовали чтение сквозь непрозрачную преграду, двиганье предметов взглядом, воздействие на результат рулетки и карт, и всякое такое. Но главное – считывание мыслей, внушение заданных мыслей врагам, предвидение будущего и тому подобное. Это ведь не только литература. И у нас была такая лаборатория, и у американцев.

Один такой человек заменяет разведывательный отдел. Только результат выше. Работает он на переговорах помощником точильщика карандашей или официантом – а сам потом докладывает весь ход мыслей иностранного дипломата, не говоря уже вообще главы государства, что тот имел в голове на самом деле, пока бала-бала вслух свою дипломатию.

А поскольку у той стороны тоже может быть такой экстрасенс – его надо определить и помешать работать, чтоб он наши мысли не считывал. Типа пудрить мозги и устраивать сопернику головную боль. Процент вероятности и процент ерунды тут определить невозможно: может, та сторона не мысли твои прочла, а слова и поступки правильно проанализировала и сделала верный вывод, а результат тот же. Но факт, что отказываться от такой возможности спецслужбы не могут.

Такой человек бесценен на тамошне. А следовательно если такой! Вот, говорят, выпускники этой школы, сотрудники лаборатории, работали на Лубянке консультантами следствия по особо важным делам. А идею такой школы подал легендарный Вольф Мессинг еще в годы войны. После бесед с Мессингом Сталин приказал НКВД таких людей искать и отбирать, организовать проверку способностей, а потом под его контролем распределять их в разведку, контрразведку и Генеральный штаб.

Про Пророка рассказывали, что в пять лет его ударило током – ветер провод оборвал со столба, а мальчик после дождя рядом на мокрый песок и наступил. Ну, увидели, закричали, провод палкой подняли, а его оттащили и закопали в песок по ноздри. Типа народный способ уравнивать потенциалы... нет, как это – электропотенциалы. Он очнулся и говорит: «Ой, а я вижу у вас в животиках, что вы кушали». И сказал про их котлеты и макароны с компотом. Ну, слухи пошли; через полгода приехали к ним в село – и увезли его в интернат.

А когда в 91-м году сдернули Железного Феликса в Москве и рухнул Советский Союз, КГБ тоже неслабо размонтировали. Средства урезали, ученые разбежались в челноки, лаборатория развалилась. При Сталине бы всех экстрасенсов ликвидировали. Для страховки. Секретность. А здесь тоже, конечно, несколько человек под машины попали и из окон выпали, тоже, остановка сердца в ванне. Но и сами ликвидаторы в киллеры братве разбежались на хорошие зарплаты – и часть сильно умных и видящих все насквозь осталась жить.

Жить остались, а делать ничего не умели. Только правду видеть. А за это денег нынче не платят. За это обычно убивают. Так что излишне удачливые игроки казино и чересчур пронизательные бизнесмены встречались обычно под асфальтом.

А когда пришел Путин и кэжэбэшные ребята стали подниматься – тут кто-то из посвященных про родных экстрасенсов и вспомнил. Стали концы искать и за ниточки тянуть. И пошли наши опустившиеся и затаившиеся гении к комитетчикам в консультанты по финансовым и властным вопросам. И стали майоры КГБ генералами ФСБ и миллиардерами. Да быстро так, безошибочно! Вы что думаете, это так просто, или в КГБ сплошь будущих олигархов и губернаторов принимали?

Но на эту тему Пророк молчит. Может, жить хочет. А может, обидно и несносно ему, что по жизни он нередко ошибается. Редко, но ошибается. Как скажет – человек аж рот откроет: вот пронизательный черт, как гениально все понял и предсказывает! А потом по жизни такая фигня выходит, что просто поверить невозможно. Пророк умнее жизни, вот в чем его горе. Жизнь особо умных не любит. В ней дури полно, устроена она так.

Вот он в 2008-м предсказал, что нефть упадет до 40 долларов. А она – хренушки вам. Он каждые полгода предсказывает легализацию проституции. А она и так легальна, просто вместо налогов взятки платит. Он предсказал, что к нам на нефтяные миллиарды приедут западные специалисты создавать все передовое. И как раз наоборот наши прут туда. Тогда он разозлился и предсказал, что Путин в течение года рухнет. Вместо этого Путин закрутил гайки так, что Пророк стал опасаться ментов – некоторые уже даже нами не брезгуют. То есть чистый сериал про Мерлина.

Я лично в эту его биографию не верю. А иногда верю.

А по другой биографии мужик просто со школы буквально делал карьеру. Умный был и нравиться людям умел, особенно начальству. Пошел комсомольским секретарем, потом партийным, в райком взяли, в результате дорос уже до третьего секретаря горкома, а в перестройку на партийные деньги создал кооператив, что-то гнал за бугор. Обналичивал безналичку, бабла наскирдовал немерено – а потом из горадминистрации бизнес его отжали. Он стал судиться – а над ним в глаза издеваются. И свезли его в дурку: он от переживаний вообразил, что на каком-то съезде КПСС борется с частной собственностью, в стяжательстве стал каяться. А что дурка: поширяли аминазином и выкинули: социально не опасен. И статья в паспорте. Можно дворником, можно коробочки клеить.

Дальше – история обычная: семье он стал в тягость, сдали в конце концов в дом хроников, из дома приюта того он сбежал – а верней просто ушел, никого не держат, на твое место очередь, завтра другого оформят и только статистику свою улучшат.

Вид у него жутковатый. Высокий, костистый, прямой, длинные седые патлы, голова откинута. Опера «Борис Годунов», со смертью по одной тропинке ходит, ну.

И вот подходит он иногда к родному горкому. Там аллея от тротуара до крыльца голубыми елочками обсажена, фасад серым гранитом облицован, а сам подъезд – черным, полировано все, двери высокие – дуб с латуною.

В бывшем горкоме – как полагается: городская дума. И не все депутаты разжиревшие бандюки или холуи олигархов. В рядах старшего поколения остались партноменклатурщики, сумевшие правильно вложить свой алый партийный билет Фортуне в ту щель, откуда деньги сыплются. От них и молодые знают, что это за гордое пугало у второй елки справа стоит и

смотрит поверх голов величественно. Стало хорошим тоном с Пророком здороваться и даже заговаривать. А заговорив – как бы незаметно совать деньги в карман пальто. Пальто надето поверх рубашки, серое, драповое, карманы накладные, прямые, удобные. И вдруг в этом что-то возникает человеческое: будто свои жалеют своего и поддерживают.

А мелочь ведь не сыплют: самое малое полтиннички складывают аккуратно и опускают в карман достойно, словно это урна для голосования. А обычно столбички подают. Для гордости иногда и пятисотки вкладывают.

А Пророк им руководящие указания дает и прогнозы открывает, и в композиции двух людей при этом возникает зависимость: один делает одолжение, а второй принимает и благодарит.

«С бабами поостерегись. Скоро неприятности с женой будут», – говорит он.

«За услуги до 1 Мая не бери. Стукануть на тебя хотят, сгореть можно, откупаться дорого встанет», – говорит он.

«Расширяй бизнес спокойно. Тебе сейчас кажит», – говорит он.

«Человеку в зеленом костюме делай все, что скажет. У него глаза черные, и власть над тобой большая», – говорит он. И говорит негромко, по-деловому, без пауз, с абсолютным знанием всего: будто для разведчика нет тайн, а докладывает секрет кратко лишь столько, сколько сейчас спросили. Безумный орел зрит из выси за горизонты времени и раздает целеуказания. Вот как-то так. Его серьезно слушают.

Есть мнение, что к нему прислушиваются наверху. Или – Наверху?.. Потому себе спокойней его слова учитывать. По крайней мере иметь в виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.